

«Единая Россия» — ПАРТИЯ ДОМИНАНТНАЯ, А НЕ ВСЕОХВАТЫВАЮЩАЯ

Борис Макаренко

Борис Макаренко — российский политолог, первый заместитель генерального директора фонда «Центр политических технологий» (ЦПТ), автор множества публикаций, в том числе «Партийная система в России: эволюция, нынешнее состояние и перспективы» (2001)

РЖ *Уважаемый Борис Игоревич, как вы думаете, существуют ли сейчас реальные конкуренты у «Единой России» на партийно-идеологическом поле?*

Если конкуренция — это угроза того, что «Единая Россия» потеряет власть или будет вынуждена ею поделиться, то нет, таких актуальных конкурентов у «Единой России» сегодня не наблюдается и в обозримом будущем они не появятся. И электоральный процесс, и **вся политическая система построены так, что «Единая Россия» сейчас везде гарантированно получает между простым и квалифицированным большинством** в законодательных органах любого уровня.

Но зато в политическом поле

присутствует определенный плюрализм. Существуют структуры с иными программами, иными идеологиями, критикующие власть в целом и «Единую Россию» в частности. Эти силы сегодня не могут обрести даже блокирующего пакета в законодательной власти, тем более на президентских выборах, но они могут участвовать в политике, вносить что-то в общественно-политическую дискуссию.

Клановые интересы — еще один параметр, ослабляющий конкуренцию в партийном поле. На самом деле в последние годы любая фигура из экономической или политической элиты, имеющая какие-то амбиции и преследующая какие-то политические или карьерные цели, имеет только один путь — в «Единую Россию», которая, по сути, есть широкая элитная коалиция на региональном уровне. **Эта коалиция выстроена сверху, и сверху же она достаточно жестко управляется, но тем не менее в ее рамках возможна какая-то свобода действий для отдельной фигуры.**

РЖ *Эта, как вы ее называете, «коалиция» строится просто по признаку принадлежности к власти?*

Через российское идейно-политическое поле проходят две пересекающиеся оси. Одна идейно-политическая линия: условно говоря, это **реформа — антиреформа**. Исходя из этого критерия, трудно применять понятие «правое — левое» и понятия «социализм, консерватизм, либерализм». Это, скорее, «партия вперед» и «партия назад». Крайняя «партия назад» — это КПРФ. «Партия вперед», наверное, «Правое дело».

Вторая ось — это **отношение к власти**: насколько активно партия поддерживает власть или

оппонирует ей. Соответственно, коммунисты будут в левом нижнем углу — самая «партия назад» и самая сильная оппозиция, «Единая Россия» будет на сто процентов провластной и в целом правоцентристской. «Правое дело» будет еще правее как «партия вперед», но ниже «ЕР» в степени поддержки власти.

Раз один из важнейших критериев позиционирования — отношение к власти, то в «Единую Россию» придет любая фигура, которая настроена на политическую карьеру, не угрожающую конфликтом с властью. В Компартию и в ЛДПР может прийти человек за личной идейной карьерой, стать спонсором партии, на этом обрести проходное место в региональном или даже федеральном парламенте. Свою карьеру он будет тем самым отстаивать, но сплочение таких фигур под флагом определенной партии в качестве альтернативы нынешней власти невозможно. У этих партий слишком жесткое идейно-политическое позиционирование. Особый случай — «Справедливая Россия»: в качестве партии системной и возглавляемой провластным политиком она стала привлекательной для самых разных фигур, в массе вполне «мейнстримных», но не «вписавшихся» в «Единую Россию» или губернаторскую властную коалицию. Это «партию власти» и напрямую — посмотрите, как жестко она действовала против «Справедливой России» или ее отдельных фигур — прямых ей конкурентов, в отличие от коммунистов и жириновцев.

Так что я не во всем согласен с недавним докладом Дмитрия Орлова, Дмитрия Бадовского и Михаила Виноградова. Доклад интересный, со многими вещами там можно согласиться. Но резкое несогласие вызывает вы-

вод авторов о том, что партийная система стала более конкурентной.

Не стала. **Выборы, особенно в октябре 2009 года, показали, что уровень конкурентности политического поля снижается.** То, что после этих выборов все парламентские оппозиционные партии стали более радикальными, — это правда. Оппозиция увидела, что по существующим «правилам игры в выборы» у них нет мотивов быть конструктивными по отношению к власти и к ее партии. Коммунисты на этом фоне всегда получают какой-то дополнительный небольшой приток голосов — за них голосуют люди, которые, может быть, не разделяют их платформу, тем более не являются марксистами-ленинцами, но голосуют за самую настоящую оппозиционную партию.

РЖ «Единая Россия» взяла на вооружение тезис консерватизма. Это не сужает ее электоральную базу? Не оттолкнет ли это от «Единой России» либеральную часть электората?

Ну, во-первых, «Единая Россия» никогда не была «всеохватной» партией. Всеохватная партия в политологии — это совсем другое. Это партия, которая имела свою идейно-политическую базу, достаточно четко очерченную, а в последние десятилетия вышла за ее пределы. Она не отказалась от своей старой идеологии, не изменила ей, она просто пошла шире. Начали этот поход вширь левые, социалисты, лейбористы, социал-демократы, которые вышли за пределы традиционного рабочего класса в средний класс. Их правые оппоненты были вынуждены сделать то же самое, бороться, скажем, за верхушку рабочего класса. Вот эти партии стали всеохватными.

«Единая Россия» никогда четкой идеологической основы не имела и не имеет таковой сегодня. **Это доминантная партия, которая всегда стремится захватить всех, кого может.** Провозглашаемая идейная ниша здесь

— дело вторичное.

Можно привести пример мексиканской Институционально-революционной партии, многие десятилетия уверенно державшей власть. Она начинала как социал-демократическая, она и поныне состоит в Социнтерне, реально же большую часть времени она проводила правоцентристскую политику. Потому что такая политика д и к т о в а л а с ь нуждами развития страны, как их понимали мексиканские президенты, сменявшие друг друга.

Слово «консерватизм» в идеологии «Единой России», осмелюсь предположить, широкому избирателю по большому счету ничего не говорит, и, скорее всего, **к избирателю «Единая Россия» пойдет не с этим знаменем, а со своей обычной риторикой «партии реальных дел» и социальных программ.**

Вот КПСС была действительно партией, претендовавшей на монополию. Тогда главной была именно партия. Именно КПСС принимала важнейшие решения, которые потом реализовывались исполнительной властью и оформлялись законодательной.

Сейчас наоборот: **решения принимает исполнительная бюрократическая вертикаль, они спускаются в партию, партия их исполняет.** Естественно, что «Единая Россия» за правительственные и президентские законопроекты голосует так, как ей велит сверху. В недавно опубликованной статье в «Российской газете» Евгений Примаков совершенно справедливо указал на то, что в системе, где конкуренция низка (это то, с чего мы начинали), а партия еще к тому же

и управляема сверху, очень велики риски. Вот конкретная цитата из Примакова: «Успех модернизации экономики в России во многом зависит от создания такой партийно-политической системы, которая помогала бы властям избегать ошибочных решений».

У нас очень часто повторяется тезис о том, что экономическое развитие быстрее идет в недемократиях, чем в демократиях. Западные политологи подсчитали — оказалось примерно фифти-фифти. Но при этом справедливо другое: **из десяти самых успешных моделей экономического роста и из десяти крупнейших провалов — по восемь недемократий.** Как отметил американский политолог Адам Пшеворский, страны, в которых стратегические решения принимаются без конкуренции, без плюрализма, без дискуссии, *either win big or lose big*, — либо крупно выигрывают, либо крупно проигрывают. Ясно, что современная Россия просто не может себе позволить риска крупного поражения стратегии модернизации. Значит, демократия нам нужна. ■

Беседовал Борис Волхонский